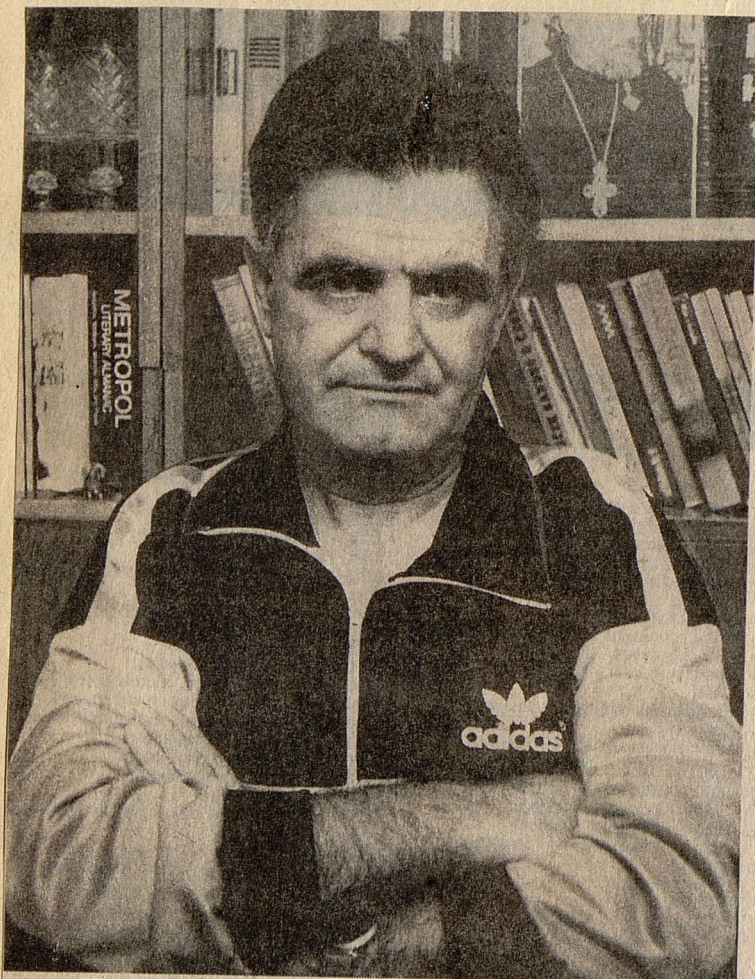

Клубные встречи

У всякой книги свои правила чтения. Одну следует перечитывать строго раз в три года, другую — время от времени для улучшения настроения. Легendarную книгу Фазиля Искандера "Сандро из Чегема" читать можно по кругу: от первой главы к последней, от последней к первой — заключая свой мир в кольцо незнакомых, но родных голосов, доброго смеха, легких слез и надежды.

Фазиль ИСКАНДЕР:

У власти не должно быть права на тайну от своего народа

— Избирательные урны вытряхнуты, состав новой Думы утрясен, граждане потрясены успехом или поражением своих кумиров. А вы, Фазиль Абдулович, о чем думаете в этой всеобщей встряске?

— Нам необходимо то, чего в российской общественной жизни всегда не хватало — мудрое пушкинское равновесие. Крайний либерализм — это глупость, крайний консерватизм — палачество. Казалось бы, лучше иметь дело с глупцом, чем с палачом. Но эти две крайности диалектически связаны: крайний либерализм приводит к хаосу и беспорядку, и люди начинают тосковать по порядку, забывая, каким кровавым путем он обычно приходит. В истории России мы всегда видим крайние решения... вспомните хотя бы неслыханное в других странах разделение общества на западников и славянофилов. Первые предлагали слепо копировать западные общественные порядки, вторые требовали возвращения уклада допетровской Руси. И никто по сути не знал, чем это может обернуться для страны. Я полагаю, что эти крайние решения каким-то образом связаны с неимоверными российскими просторами, они-то и порождают в людях боязнь неограниченного пространства. Человеку хочется прижаться к какой-то определенности, за которую можно держаться... На сей раз коммунисты стали этим спасительным краем.

— А демократы — "крайними"?

— Откат от демократии — это инерция российского сознания; ждали чуда, а его не произошло: В "Братьях Карамазовых" есть замечательная глава "Великий инквизитор", там к Христу обращены такие слова: "Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете". Это мысль грандиозная и не такая простая. Некоторые наши поверхностные демократы считают, что движущая коммунистами сила — тоска по молодости. Но это ошибка. Правда же кроется в словах Великого инквизитора. Народ, не приученный выбирать, хочет иметь власть, все решающую за него. Он подсознательно мечтает о власти, которая пусть досыта и не накормит, но зато избавит от всех проблем. Критикуя сталинскую диктаторскую систему, люди упускают то, что она при всей чудовищной жестокости была основана на тезисах Великого инквизитора. Сталин был тайной, авторитетом и чудом. Кажется, людям опять захотелось чудес: пятилеток, соцсоревнований,

сказочных удоев молока... Но нормальный демократический строй и невозможно было сотворить за такой короткий срок. Не говоря уж о грандиозных ошибках новых демократов. Им невероятно трудно преодолевать привычки, выработанные советской властью. Может быть, они не всегда сами понимают, что делают, пытаясь установить демократический строй по старым образцам. К примеру, вступление наших войск в Чечню не обсуждалось народными представителями, а если бы власть не имела права на тайну, то кровавой чеченской раны, возможно, не было бы на теле страны.

— Стало быть, то, что мы наблюдаем вот уже почти десять лет, — это не совсем демократия, а в отдельных случаях — совсем не демократия... Так что же тогда демократия?

— Демократия — это плод христианства. Одна из высших христианских истин в том, что человек всегда обязан выбирать. Возможность выбора — это и основа демократии. Не только выбора политической силы, но и бесконечного выбора в жизни. Так же и в христианстве идет бесконечный выбор между добром и злом. С атеистической точки зрения легко критиковать религию: если Бог всемогущ, почему он допускает зло? Но без добровольного выбора, без добровольного перехода человека от зла к добру не было бы самого добра. То есть, не зная зла, невозможно понять, что есть добро. В этом бесконечная метафизическая сущность жизни. И христианский, и гражданский долг страны и человека — это готовность всегда выбирать. А готовность выбирать предполагает готовность думать. А готовность думать идет от сердца. Сердце в конечном счете и делает свой выбор между добром и злом. Вот почему я думаю, что демократия — это универсальная форма при всех ее недостатках.

— Откуда у вас такая убежденность в неизбежности демократии? Ведь если русский человек не смог через христианство прийти к демократии, то не означает ли это, что географическое пространство нашей страны победило пространство веры?

— Ну в России-то христианство было довольно поверхностным. Особенно хорошо это заметно у нас на Кавказе, где под официальными религиями — мусульманством и христианством — лежит необъятная стихия многобо-

жия. Кроме того, духовный авторитет Церкви к XX веку ослаб чрезвычайно. Ведь храмы после революции чаще всего разрушали не заезжие бригады чекистов, а местные крестьяне. И все же нам необходимо привыкать к демократии — нужно наконец встать на обе ноги. На одной долго не устоишь. Все-таки при демократии пахать выгоднее, тогда как при коммунизме выгоднее делать вид, что ты пашешь. Человек по своей глубинной природе частный инициатор, и когда государство дает ему возможность проявить эту частную инициативу, он могуч и неутомим. А советская система основывалась на энтузиазме масс. Человек может быть энтузиастом день, максимум год. Но когда он видит, что его трудовой порыв не оплачивается в достаточной степени, он энтузиазм имитирует. У нас в Чегеме, например, разыгрывались соревнования между низальщиками табака. Так выигрывала та, кому родственники больше заготовок принесут. Это была комедия, которая не могла длиться слишком долго. Коммунизм рухнул не под влиянием внешних сил и даже, как это ни обидно прозвучит для людей, изнутри сопротивлявшихся режиму, не под давлением диссидентства... Просто рухнула крыша над головой, она должна была рано или поздно провалиться, ибо обанкротившаяся экономика не могла содержать ее в порядке.

— Одни пугают нас коммунизмом, другие — капитализмом. А чего следует опасаться на самом деле?

— Давайте вспомним реформы Витте и Столыпина, приведшие к колоссальным экономическим успехам России. Шли одновременно два процесса: оздоровление экономики и загнивание государственности. И негативный процесс из-за первой мировой войны обогнал позитивный — государство рухнуло. Нечто подобное может произойти сейчас, поскольку нет единомыслия государственной власти. Главная опасность, угрожающая новой России, — слияние чиновничества с мафиозными группировками. Чудовищное взяточничество, которое охватило государственный аппарат, может привести к страшным результатам. Каждое здравое решение правительства тонет сегодня в недобросовестных исполнителях. Не дай Бог им суметь тайно диктовать свои законы, тогда у нас возникнет уголовная диктатура. Она не потащит своих врагов на Лубянку, а будет убивать их в подъездах. Сами видите, как много зависит от нашего выбора. В том числе — на президентских выборах.

— От этого голосовать еще страшнее: а вдруг в "меню" выберем не то?

— Когда я, впервые оказавшись за границей, увидел шведский стол, то подумал с каким-то отвращением: "Хоть бы в десять раз хуже была еда, но лишь бы ее принес официант". Выбирать было в первый раз неприятно, во второй — терпимо, а на третий раз оказалось, что это можно делать спокойно и не без удовольствия.

— К какому по счету "шведскому столу" относятся последние выборы?

— Думаю, ко второму. Сама процедура выбора — тоже воспитание народа. Когда человек чувствует, что от его выбора многое зависит, он выпрямляет спину.

— За кого проголосовал бы ваш Сандро, окажись он на выборах?

— Никогда об этом не думал... Интересно... Ну Сандро ведь хитрец, он проголосовал бы так, чтобы это соответствовало его ближайшим практическим задачам, а не интересам страны вообще. Он великий тамада, а это все-таки выражение таланта частной инициативы. Думаю, это были бы демократы, которые единогласно избрали бы его тамадой. Кстати говоря, в кавказской жизни едва ли не единственная демократическая система — это выбор тамады.

— Что вы ждете для себя от начавшегося года?

— Надеюсь, что в 1996-м самые крайние политические страсти улягутся, а это поможет мне полнее погрузиться в свою писательскую работу. Все-таки в идеале писатель должен предпочесть внутренние идеи внешним, хотя бы самым благородным. Простые и великие слова Пушкина: "Чувства добрые я лирой пробуждал" — в конечном итоге определяют действия писателя. Его участие в политике всегда более или менее вынуждено. Он должен быть верным тем внутренним идеям, которые составляют смысл его жизни.

— Чем для вас в минувшем году закончилась борьба "поэта" и "гражданина"?

— Я написал несколько статей, несколько рассказов и одну повесть, опубликованную в 11-м номере журнала "Знамя". Называется она "Софичка". Я попытался создать идеальный образ самоотверженной женщины, стихийной христианки, которую жизнь провела по самым страшным оврагам и которая осталась добрым, прекрасным человеком. Я выполнил мой последний чегемский долг и в этом смысле успокоился.

Встречалась
Ольга СЕРГЕЕВА.